

Неизбежность отчуждения коммуникации в эпоху глобализации

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 15.09.2018.

**ЛЕЩЕНКО Татьяна
Анатольевна**
*Кандидат социологических
наук, доцент кафедры
управления филиала МГУ
имени М. В. Ломоносова в г.
Севастополе*

**СОКОЛОВА Ирина
Викторовна**
*Доктор социологических наук,
профессор, консультант по
научно-исследовательской
работе Центра финансовых
исследований НАФИ
(Москва)*

ТЕПЛОВА Любовь Ивановна
*Кандидат филологических
наук, доцент кафедры
иностраннных языков
филиала МГУ имени М. В.
Ломоносова в г. Севастополе*

Аннотация

В статье анализируются проблемы глобальных коммуникационных процессов. Избыточность их влияния на экономику, политику, культуру и социум в целом породила феномен отчуждения коммуникации, который рассматривается как объективное явление социальной реальности. Авторы анализируют типы отчуждения коммуникации, возникающего на разных уровнях социальной структуры. Растущая распространенность этого отчуждения существенно препятствует важнейшим для общества процессам адаптации, социализации и ресоциализации. Средства массовой информации и коммуникации способствуют возникновению эффекта фрактального разрастания отчуждения, что приводит к приобретению им качества атрибута информационного общества.

Ключевые слова:

**социальная коммуникация,
философия и социология
отчуждения коммуникации,
реальность отчужденных
смыслов.**

Глобальная трансформация коммуникационных процессов и отчуждение

Существенный рост объема коммуникаций, усложнение их структуры и усиление влияния на все социальные процессы и отношения являются в настоящее время очевидными фактами. Тем не менее, при всем многообразии проявлений социальная коммуникация продолжает иметь вполне определенную целостность. Будучи по своей природе социокультурной системой, социальная коммуникация постоянно находится в динамике и изменяется имманентно, неся в себе способность формирования собственной «судьбы»¹. Подобную самодетерминацию П. А. Сорокин назвал принципом *sui generis*, предопределяющим раскрытие имманентных потенций системы [13, с. 815]. Проблемы социальной коммуникации в таком случае суть проблемы самой системы. Это отнюдь не означает исключения

¹ Под системой социальной коммуникации авторы понимают всю совокупность коммуникаций, присущих человеческому обществу на межличностном, групповом и социетальном уровнях. Прежде всего, речь идет о сознательном коммуникативном взаимодействии, обмене смыслами и значениями, а не об информационно-коммуникационной инфраструктуре. Важным является уточнение термина «социальная», который принимается в качестве всеобщей характеристики коммуникации. Это не частный случай, не тот подход, который используется рядом авторов для характеристики коммуникации в сфере социальной работы с нуждающимися в поддержке категориями населения.

из исследовательского фокуса аспекта воздействия среды на систему. Но, что бы ни предъявляла среда системе социальной коммуникации, отклик в последней возникает лишь в связи с заложенной в ней способностью «переработать» это требование безотносительно к типу взаимодействия: кооперация ли это или конфликт. В глоболизирующемся мире коммуникационная система принимает на себя все, без исключения, вызовы, становясь интерфейсом и глобализации, и ее антипода — глокализации, лишь видоизменяя форму.

Наиболее объемным, очевидно наблюдаемым явлением социальной коммуникации выступает массовая коммуникация, которая стала предметом пристального внимания социальных, гуманитарных, технических наук, особенно в контексте развития информационного общества [11; 17; 19]. Общим вектором в изучении феномена массмедиа стал поиск ответа на вопрос «Как средства массовой информации и коммуникации влияют на человека и социум?». На этот вопрос блестяще ответил Н. Луман [23]. Сегодня то, что он назвал *реальностью массмедиа*, приобретает, в определении Т. А. Лещенко, характер глобальной *реальности отчужденных смыслов* [6, с. 117–119], отчетливо проявляемой в медиадискурсе [24, с. 18–19]. Но не только в нем.

Возможности интернет-коммуникации сначала рассматривались пользователями как способ индивидуализировать собственное информационное пространство. Социальные сети также возникли как тщетная попытка создать альтернативу отчужденному медиадискурсу. Сегодня дискурс социальных сетей с его зачастую анонимными никнеймами, неформальной лексикой, обилием пустых дискуссий и бессодержательных словесных перепалок становится вариантом «поля отчуждения». Возникает ряд специфических коммуникативных эффектов: «отсутствующего присутствия», «игнорирующего поведения» и других. Все это — лики *отчуждения коммуникации*². Смысл коммуникации теряет значение, и на первое место выходит форма. Следуя парадигме визуальной социологии П. Штомпки [14], логично предположить, что «Инстаграм» появился вследствие нарастающей визуализации коммуникационных процессов. Мы же утверждаем, что это — результат растущего отчуждения. Человек физически не способен поддерживать осмысленную коммуникацию в том объеме, который сегодня предлагается ему обществом. Поэтому закономерно, что он упрощает коммуникацию, опредмечивая ее и выпуская в мир, где созданные им изображения уже не принадлежат ему. Для самости ныне существующего человека это гораздо значительнее по последствиям, чем опредмеченный труд.

Итак, почему мы обращаем на феномен отчуждения коммуникации столь пристальное внимание? Первое — коммуникация занимает центральное место в процессе общения, наряду с перцепцией и взаимодействием. Второе — отчуждение приобретает глобальный характер благодаря сетевому характеру современной коммуникации [18]. И третье — отчуждение коммуникации становится доминирующим типом социальных отношений.

² Согласно учению Г. В. Ф. Гегеля авторы понимают понятие как процесс. Поэтому понятие «отчуждение коммуникации» находится в процессе уточнения. Исследованные авторами единичные и всеобщие моменты отчуждения коммуникации находятся в стадии оформления окончательного суждения. В понимании К. Маркса, отчуждение коммуникации есть отчуждение от коммуникации. В обоих аспектах в современных условиях оно становится специфической формой бытия. Подробнее об отчуждении коммуникации см. в работах Т. А. Лещенко (URL: http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=667916&pubrole=100&show_refs=1 (дата обращения: 10.11.2016)).

Отчуждение коммуникации как объективное явление социальной реальности

Социальная коммуникация — системообразующий элемент социального мира, благодаря которому социальная жизнь постоянно воспроизводится. Иначе как посредством коммуникации воспроизведение социума обеспечить невозможно. Поэтому социальная коммуникация есть всеобщее, объективно существующее явление, то есть — социальный факт. Тот самый факт, который вслед за Э. Дюркгеймом можно рассматривать как вещь [21, с. 51–55]. И, как всеобщее, вследствие своей социальной природы, явление «движения смыслов в социальном времени и социальном пространстве», по определению А. В. Соколова [12, с. 30–32].

Если обратиться к пониманию первородного смысла как абсолютной трансцендентной самости в трактовке А. Ф. Лосева, то вещь есть воплощение этой самости, но «одна и та же вещь требует, или предполагает, бесконечное количество своих разнообразных интерпретаций» [8, с. 75]. Коммуникация, взятая как вещь, есть схватывание абсолютного смысла-значения, проявление которого в действительности происходит в виде непрерывного движения смыслов-словоформ. «Что же первично: заданное предметное значение, первородный смысл, или придаваемый сознанием в процессе коммуникации смысл?» — этот вопрос снимается с помощью диалектики. Одно не существует без другого, сущее невозможно понять без иного. Поэтому возможно полагать единство внутреннего абсолютного смысла и внешне-го, проявляемого через бесконечные интерпретации. Здесь заложено понимание отчуждения как становления смысла. Более глубокая проблема состоит в соответствии приписываемых объектам значений, ставших через свои наименования предметом коммуникаций. Насколько эти значения соответствуют объектам, настолько в коммуникации заложен потенциал их последующего отчуждения, когда они проходят многократную интерпретацию и в конечном итоге приобретают качество автономного дискурса, понимаемого как смысловое поле социальной коммуникации.

Следуя известной пятикомпонентной схеме коммуникационного взаимодействия, точкой возникновения в социальном пространстве искаженного (не суть, намеренно или непроизвольно) смысла может стать, прежде всего, неверное истолкование на этапе декодирования и дальнейшего осмысления коммуникационного сообщения. Объективно любой субъект коммуникации может быть и инициатором движения информации, и реципиентом, и — интерпретатором, открыто и непредсказуемо подключающимся к коммуникационному процессу на любом этапе. При этом он может выполнять как функцию оптимизации понимания изначального смысла, так и функцию шума или барьера. А в отдельных случаях — функцию целенаправленного искажения смысла на самом начальном этапе формирования сообщения.

Трансформация смыслообразования в виде «гуляющих» повсюду интерпретаций, симулякров [16; 20, с. 46] становится активатором коммуникативного поведения субъектов коммуникации, влияет на функционирование и внутреннюю интеграцию элементов системы социальной коммуникации и силу ее воздействия на социальную среду. Среда отвечает противодействием, которое в условиях информационного общества начинает приобретать характер отчуждения коммуникации как процесса, как оформленной системы, в сущности — как антипода понимания. Тотальное непонимание — вот глубинный смысл часто неконтролируемых социальных

процессов, от стереотипизации до терроризма. Это в основе — коммуникационное непонимание, далеко не всегда обусловленное недостаточностью знаний или культуры, а преимущественно — нежеланием понимания.

Будучи порожденными человеческим сознанием, смыслы посредством коммуникации могут приобретать консенсусный характер и становиться всеобщими. «Спрессованные» в менталитетном слое культуры в совокупность априорных значений, архетипов, поведенческих паттернов, — они являют себя индивиду, в частности, в процессе социализации, в качестве коллективного сознания, системы ценностей и норм, языковых знаков, подлежащих усвоению. Последние постигаются, как отмечено у Л. В. Коцюбинской и Л. И. Тепловой, через когнитивную структуру [5, с. 38–47]. Эта смысловая материя суть субстанция, отчужденная в процессе развития общественных отношений. Как указал Ю. Хабермас: «в формах коммуникации, через которые мы достигаем понимания друг с другом о чем-то в мире и о нас самих, мы сталкиваемся с превосходящей властью» [22, с. 10]. Значит ли это, что отчуждение коммуникации заложено в самой ее природе? В самом деле, мы можем рассмотреть сообщение (письмо ли, пост в сети, книгу, картину...) как опредмеченную и отчужденную мыслеформу. Заметим, — изначально намеренно, добровольно отчужденную. Далее оба: и адресант и реципиент, — становятся зависимыми. И в эпоху глобализации человек все чаще становится преимущественно зависимым реципиентом (ваши компьютеры постоянно напоминают вам об этом контекстной рекламой).

Подходы к изучению и типологии отчуждения коммуникации

Рассуждение о типологии отчуждения коммуникации требует предварительного уточнения. Прежде всего, в отношении подходов к построению типологии. При одном из подходов она выстраивается с теоретических позиций как метод познания, который оперирует идеализированным типом в виде абстрактной конструкции. В нашем случае — типом отчуждения коммуникации. Полагаемый как вечная идеальная сущность этот тип предшествует коммуникации, существует в ее недрах. Следуя этой линии, ведущей свое начало от Платона и Аристотеля, прототипом коммуникации является отчуждение смысла как необходимость движения смысла, инициированного субъектом: индивидуальным, социальным или субстанциональным: сферой сознания, например, как у М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского [9]. Любая изменчивость здесь — становление, промежуточный этап, несовершенство смысла. Методологически тип отчуждения коммуникации позволяет реконструировать наиболее существенные характеристики элементов исследуемой системы социальной коммуникации. В таком случае утверждение отчуждения коммуникации довлеющим типом коммуникационного взаимодействия теоретически полагает его представителем всего множества указанных взаимодействий.

При другом подходе типология выстраивается с эмпирических позиций, что дает возможность изучить признаки, функции, связи элементов системы социальной коммуникации как объектов реальной действительности, сопоставить их, типологически описать и классифицировать. Тем самым — верифицировать вышеописанную методологическую установку. С одной стороны, тип отчуждения коммуникации — это некая конструкция бытия коммуникации, абстракция. С другой — это эмпирически наблюдаемая разновидность коммуникации. Системный подход

к коммуникации позволяет авторам взять ведущим критерием типологии ее отчуждения характер «столкновения» индивидуального и социального в определении смысла коммуникации. Здесь возможно рассмотрение следующих аспектов: проблема изначального значения и последующего прочтения смысла; намеренность и степень его искажения вследствие несовпадения потребностей, интересов, ценностей субъектов коммуникации; влияние вышеуказанного столкновения на характер социального взаимодействия. «Искажение смысла» — таким может быть краткое название этого критерия. В этой связи бессмысленность коммуникации — один из типов ее отчуждения. Целенаправленное искажение смысла коммуникации — другой тип.

Чтобы поместить эту конструкцию в многомерное социальное пространство, необходимо определиться с совокупностью существенных признаков отчуждения коммуникации, которые позволят идентифицировать тот или иной характер социально-коммуникационного отношения, как обусловленный типом отчуждения коммуникации. Показательными примерами могут служить два феномена, которые уже имеют прецеденты исследования: «утрата нового поколения» (the «New Generation Gap», в терминологии Р. Вейса и Дж Шнейдера) и «интернет-зависимость», примером анализа которой служит работа С. Н. Варламовой, Е. Р. Гончаровой и И. В. Соколовой [1, с. 165–172]. Упомянутая выше «утрата», которую можно трактовать и как «разрыв», рассматривается авторами понятия в связи с тем фактом, что цифровые «уроженцы» часто не видят и не слышат старшее поколение, потому что, с точки зрения коммуникации, последние — это цифровые «мигранты», находящиеся с цифровыми «уроженцами» буквально «не в одном помещении» [25, с. 25]. Во втором случае интернет-зависимость напрямую соотносится авторами с негативной трансформацией, вплоть до разрыва, социальных связей.

Нарастание социального отчуждения проявляется сегодня на всех уровнях социальной структуры и во всех сферах действительности. Среди растущих тенденций: разводы, отчуждение родителей и детей, подростковые самоубийства, вовлеченность в виртуальные отношения, отчуждение любой инаковости, «других», «не таких» (например, так называемых «спидоносцев» [7, с. 15–17]), межнациональные конфликты, информационные войны и другие социальные факты. Все эти социокультурные процессы в значительной мере обусловлены такой разновидностью социального отчуждения, как отчуждение коммуникации.

Результатом стало возникновение реальности отчужденных смыслов, — как следствия всепроникающего, в определенном значении беспредельного явления отчуждения коммуникации, ставшего доминирующим типом социального отчуждения и приобретшего характер автотелии. Мир отчужденных смыслов противопоставляет себя сообществу взаимодействующих людей, заставляя их приспособляться к своим законам и диктуя им свои правила. Практически прямое указание на связь отчуждения и социальных коммуникаций содержится в дихотомии «анти- и про- социальные коммуникации» [15].

Очевидно, что изучение феномена отчуждения коммуникации требует междисциплинарного подхода. Как минимум, гармоничного соединения философского и социологического оснований в его научном осмыслении. Ж. Гурвич уточнил, что эти дисциплины находятся в отношениях диалектической дополнительности и импликации, и только диалектика позволяет системно подойти к изучению тотальных социальных феноменов [2, с. 288–289]. Вслед за Ж. Гурвичем и А. А. Зиновьевым [3; 4] авторы поддерживают эту позицию в отношении роли диалектики

в познании отчуждения коммуникации. А учитывая существенное негативное влияние отчуждения коммуникации на социальную структуру общества, исследование очагов формирования отчужденных смыслов представляется важной превентивной мерой для своевременного купирования более масштабных проблем отчуждения, таких как социальная пассивность, аномия, рост девиаций, агрессии, трансформация массового сознания и ценностей, наконец, — уничтожение государственной, национальной или культурной идентичности. Это позволит избежать разрушительных последствий и сделать неизбежные в эпоху глобализации социальные изменения менее деструктивными.

Данная статья впервые опубликована под названием «The Inevitability of the Alienation of Communication in the Era of Globalisation» в сборнике «The Legal Challenges of Modern World» (URL: <http://www.esd-conference.com/index.php?page=past-conferences> (дата обращения: 10.11.2016)).

ЛИТЕРАТУРА

1. ВАРЛАМОВА С.Н., ГОНЧАРОВА Е.Р., СОКОЛОВА И.В. **Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология** // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (125). С. 165–182.
2. ГУРВИЧ Ж. **Диалектика и социология** / пер.с фр. М.М. Кириченко. Краснодар: Кубанский госуниверситет; НИЦ «Регион-Юг», 2001. 294 с.
3. ЗИНОВЬЕВ А.А. **Логическая социология**. М.: Социум, 2002. 260 с.
4. ЗИНОВЬЕВ А.А. **Фактор понимания**. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
5. КОЦЮБИНСКАЯ Л.В., ТЕПЛОВА Л.И. **Когнитивная структура языкового знака (на материале английских фразеологических единиц)** // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 7. № 1. С. 38–47.
6. ЛЕЩЕНКО Т.А. **Философия и социология отчуждения коммуникации** // Образование и общество. 2015. Т. 5. № 94. С. 117–119.
7. ЛЕЩЕНКО Т.А. **Флуктуации отчуждения в медиарепрезентациях концепта «здоровье»** // «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты: мат. междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения». Москва: Изд-во МГУ, 2016. С. 15–17.
8. ЛОСЕВ А.Ф. **Вещь и имя. Самое само**. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2008. 576 с.
9. МАМАРДАШВИЛИ М.К., ПЯТИГОРСКИЙ А.М. **Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке)**. М.: Прогресс-Традиция; Фонд М. Мамардашвили, 2009. 288 с.
10. МАРКС К. **Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы**. М.: Академический Проект, 2010. 775 с.
11. ОРЛОВА И.В., ОСИПОВА Е.А., СОКОЛОВА И.В. **Социология массовых коммуникаций: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) «Реклама и связи с общественностью»**. М.: Академия, 2014. 398 с.
12. СОКОЛОВ А.В. **Общая теория социальной коммуникации**. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 461 с.
13. СОРОКИН П.А. **Социальная и культурная динамика** / Птирим Александрович Сорокин; пер. с англ. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
14. ШТОМПКА П. **Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник** / пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.
15. **Anti and Pro-Social Communication: Theories, Methods, and Applications**. T. A. Kinney, M. Porhola. (2009). N.Y.: Peter Lang Publishing Inc.
16. BAUDRILLARD, J. (1995). **Simulacra and Simulation. The Body, In Theory: Histories of Cultural Materialism (First Edition)**. Michigan: University of Michigan Press.
17. CAREY, J. W., ADAM, G. S. (FOREWORD). (2008). **Communication as Culture**, Revised Edition: Essays on Media and Society (Second Edition). N.Y.: Routledge.
18. CASTELLS, M. (2015). **Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age** (Second Edition). Cambridge: Polity.
19. CURRAN, J., FENTON, N., FREEDMAN, D. (2016). **Misunderstanding the Internet: Communication and Society** (Second Edition). N.Y.: Routledge.
20. DELEUZE, G. (1990). **The Logic of Sense (Revised ed. Edition)**. N.Y.: Columbia University Press.
21. DURKHEIM, E. (1962). **The Rules of Sociological Method**. N.Y.: The Free Press of Glencoe.
22. HABERMAS, J. (2003). **The Future of Human Nature** (First Edition). Cambridge: Polity.
23. LUHMANN, N. (2000). **The Reality of the Mass Media: Cultural Memory in the Present**. Cambridge: Stanford University Press.
24. MATHESON, D. (2005). **Media Discourses: Analysing Media Texts** (First Edition). England: Open University Press; N.Y.: Two Penn Plaza.
25. WEISS, R., SCHNEIDER, J. P. (2014). **Closer Together, Further Apart: The Effect of Technology and the Internet on Parenting, Work, and Relationships**. Arizona: Gentle Path Press.